

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КАК ГЕНЕРАТОР ПОРОЖДЕНИЯ ХРОНОТОПИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА /

INTERTEXTUAL ELEMENTS AS A GENERATOR OF CHRONOTOPIC MEANING IN A LITERARY TEXT

Viktorija KARPUKHINA

Associate Professor, Ph.D.

(Altay State University of Barnaul, Russian Federation)

vkarpuhina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0145-1906>

Abstract

The article examines from a cognitive and axiological perspective the temporal and special frame employed in B. Akunin's work.

Keywords: *time, space, cognitiv perspective, axiologic perspective, intertextuality*

Rezumat

În articol, este supus cercetării, din perspectivă cognitiv-axiologică, conturul temporal-spațial al creației lui B. Akunin.

Cuvinte-cheie: *timp, spațiu, perspectivă cognitivă, perspectivă axiologică, intertextualitate*

В статье рассматривается проблема функционирования разных моделей времени и пространства в романах Б. Акунина с когнитивно-аксиологической точки зрения. Данные модели реконструируются в процессе выявления в текстах Акунина интертекстуальных элементов, отсылающих к прецедентным текстам французской, английской и русской литературы.

Актуальность изучения интертекста в последнее время (см. работы Степанов, 2001; Гаспаров, 2002; Кузьмина, 2004 и др.) связана с тем, что сама информационная реальность, окружающая человека, сейчас воспринимается как интертекст. Область интертекста становится в настоящее время не только областью анализа конкретных текстов, но и привлекает внимание исследователей-теоретиков. Можно выделить несколько подходов к изучению интертекста. В одной парадигме подходов интертекст рассматривается как самостоятельно существующий и развивающийся феномен: «Интертекст – это объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно самогенерировать по стреле времени» (Кузьмина, 2004, с. 6). В данном случае характеристики интертекста определяются тем, что исследователь изучает его в рамках синергетической парадигмы. Однако интертекст может рассматривать-

ся и как определенного рода конструкт, как «явление скрещивания, контаминации текстов двух или более авторов (а также не имеющих личного автора)» (Степанов, 2001, с. 3). На первый план в этом случае выступает фигура субъекта в двух его ипостасях: субъект, конструирующий интертекст (автор), и субъект, реконструирующий интертекст (интерпретатор). Понятие интертекста антропоцентрично, хотя в качестве объекта исследования интертекстуальной ситуации могут выступать как субъекты, так и тексты, участвующие в этой ситуации.

В соответствии с современной тенденцией к интерпретационизму, фигура интерпретатора занимает равную (если не более приоритетную) позицию по сравнению с позицией автора в интертекстуальной ситуации. В данной ситуации «адресат и адресант обмениваются позициями. Идеальный читатель оказывается отождествленным с отправителем информации» (Смирнов, 1995, с. 190). Но построение интертекста связано с критериями адекватности интерпретации. Языковые сигналы, позволяющие определить направление интерпретации в интертексте, позволяют интерпретатору реконструировать определенную часть заложенных в тексте смыслов⁶⁷. Хронотопические характеристики двух романов Б. Акунина – «Детская книга» и «Сокол и ласточка» – задаются аудитории еще до соприкосновения с текстами романов за счет оформления обложки.

«Детская книга» (как в свое время «Алтын-толобас» и «Внеклассное чтение») совмещает на обложке второго издания фигуры и детали разновременных эпох, «Сокол и ласточка» напоминает дизайном обложки «зачитанный до дыр» хороший приключенческий роман. Подобный дизайнерский шаг обусловлен, с одной стороны, требованием стилизации текстов масс-культуры под детскую или инфантилизированную взрослую аудиторию, а с другой стороны, структурой акунинских романов, в которых зачастую главы, соотносящиеся с современностью, чередуются с главами «историческими».

История интересует Акунина не в варианте «линейного» представления чередующихся событий, а в варианте определенного топоса, конструирующегося/реконструирующегося при временных изменениях. В более ранних романах Акунина единство топоса создается за счет «персонажа-наследника» (например, Николас Фандорин, проезжающий по «местам боевой славы» Корнелиуса фон Дорна). То же происходит и в романе «Сокол и ласточка»: Николас попадает в область «законсервированного» времени недалеко от места обитания своих дальних родственников – «тифельцев». «Магистру кружил голову запах, ис-

⁶⁷ О стратегиях интерпретации текста см. подробнее в Карпухина, 2010; Карпухина, 2011.

ходящий от второй пещеры. Вероятно, у этого явления имелись вполне объяснимые причины: сюда, в глубь горы, много лет не проникали свежий воздух и влага. Но главное в другом. Здесь *остановилось время*» (Акунин, 2009, с. 592).

В романе «Детская книга» единство топоса усиливается за счет персонального дейксиса: в «разновременных» главах романа действует один и тот же персонаж, Эраст Фандорин-младший (Ластик), проникающий в иные времена через некие «хронодыры». Как объясняет юному персонажу таинственный профессор Ван Дорн, «“Chronohole”, или «хронодыра», – ...это такой лаз, по которому можно попасть в другое время» (Акунин, 2007а, с. 65). В данном случае происходит популяризация физического и синергетического термина. Б. Акунин со свойственной ему переводческой иронией реконструирует достаточно активно использующийся в последнее время физический и синергетический термин *wormholes* (в русской традиции – ‘кротовые норы/кротовины’), обозначающий гипотетические туннели, в которые меняются свойствами пространство и время.

В предисловии к одноименному сборнику своих эссе Джон Фаулз использует этот термин в смысле, в котором он употребляется в современной физике: «Оксфордский энциклопедический словарь толкует его так: «Гипотетические взаимосвязи между далеко отстоящими друг от друга областями пространства-времени». Название показалось мне весьма подходящим, хотя бы метафорически, поскольку весьма сложное пространство-время, в котором я существую, пусть и очень далекое от современной физики, есть пространство-время моего собственного воображения» (Фаулз, 2002, с. 7). Подобный термин оказывается понятным для акунинских персонажей в так называемой «пре-когниции» (Кубрякова, 2004, с. 83), т.е. в ситуации незнакомства с феноменом.

Термин *chronoholes* Б. Акунин использует в ситуациях попыток целенаправленного исправления «неудачной ветви» истории, зачастую представленных в ироническом ключе (ср. «реконструкцию» истории Григория Отрепьева как случайно попавшего в хронодыру советского пятиклассника Юрки Отрепьева из Киева (Акунин, 2007b, с. 72-86)). Но целенаправленность попадания нужного персонажа в нужную эпоху, видимо, не дает возможности исправить определенное ответвление истории. Однако именно она отличает тексты Дж. Фаулза и Б. Акунина от текстов большинства писателей-фантастов. Типично британская склонность к восприятию Времени как преемственности сочетается в текстах «Волхва» Дж. Фаулза и «Детской книги» Акунина с типично японским пониманием Времени как переменчивости (ср.: Овчинников, 2008, с. 436). Возможно, именно этим и объясняются многие когнитивные характеристики хронотопических моделей, использующихся в романах «Сокол и ласточка» и «Детская книга».

Традиционное различие линейной и циклической временных моделей базируется на присутствии/отсутствии человека как точки отсчета в модели времени. «С древнейших времен в сознании человека сосуществуют два представления о времени – время как последовательность однотипных событий, жизненных кругов (циклическое) и время как однонаправленное поступательное движение (линейное). Циклическое представление о времени отличает архаические цивилизации, развитие же представлений о линейном движении времени в первую очередь связано с формированием исторического сознания» (Яковлева, 1994, с. 97). Исследователи склонны соотносить момент появления представлений о линейности времени к периоду зарождения христианского сознания (Яковлева, 1994, с. 98; Арутюнова, 1997, с. 59; Рябцева, 1997).

«Цикличность» восприятия времени ориентирована на поиск типических ситуаций, «линейность» связана с восприятием времени в ключе индивидуального сознания, то есть с включением в систему пространственно-временных координат еще одной координаты – субъекта. Возможно, именно поэтому рассказчик «исторической» части романа «Соккол и ласточка», попугай Андоку, живя в пределах вневременного, циклического пространства (чудесный японский остров-кофун, где «не было времени. Оно не двигалось» (Акунин, 2009, с. 100)), не ощущал себя «очеловеченным». И лишь после ухода в саркофаг Учителя, покинув пределы заколдованного острова и переместившись в мир нециклического, линейного времени, Андоку начинает чувствовать себя иначе: «Он и меня сделал человеком – во всем, кроме обличья. Ибо мы – то, чем мы себя ощущаем, а не то, как мы выглядим со стороны, неправда ли?» (Акунин, 2009, с. 104).

С помощью *хронодыр* или определенного стечения обстоятельств «межвременные» путешественники Андоку и Ластик совершают прорыв от бытового времени («времени частного человеческого существования, которое поддается счету, измерению, локализуется на «оси» отдельной человеческой жизни, планируется, ожидается, помнится и переживается» (Яковлева, 1994, с. 138)) к времени надбытовому, «подразумевающему исключительность описываемого. События этого времени выведены из круга повседневности, они ...уникальны, незабываемы, особо значимы (соотносятся с духовной сферой человека)» (Яковлева, 1994, с. 138). Андоку, кроме того, как рассказчик-философ наделяется способностью воспринимать так называемое аналитическое время – «время стечения обстоятельств и сплетения событий самой разной природы и масштаба. Этому времени соответствуют оценки «рациональные», «внеположенные» (взгляд со стороны на предмет описания)» (Яковлева, 1994, с. 139).

Изменение скорости переживаемых «мгновений» позволяет Акунину устами профессора Ван Дорна в «Детской книге» выдвинуть гипоте-

зу о том, что время в настоящем и прошлом движутся с разной скоростью: «...Судя по вашим часам, экскурсия в 1914 год продолжалась триста восемьдесят шесть секунд. ...У меня прошло... Всего одна целая пятьдесят шесть тысячных секунды» (Акунин, 2007а, с. 92). Последующие рассуждения ВанДорна по поводу коэффициента различия скоростей движения («Примерно 365,25. Хм, это количество оборотов, которые Земля совершает вокруг собственной оси в течение года») являются отсылкой к разнообразным временным моделям, обыгрываемым в «Маленьком принце» Антуана де Сент-Экзюпери⁶⁸. На пятой планете, которую посетил Маленький принц, фонарщик вынужден был зажигать и гасить свой фонарь каждую минуту – ровно столько длился день на его планете, которая за минуту делала полный оборот (Экзюпери, 1978, с. 44). Важность переживаемого мгновения усиливается в данном случае еще и тем, что Маленький принц «не смел себе признаться в том, что больше всего жалеет об этой чудесной планетке еще по одной причине: за 24 часа на ней можно любоваться закатом 1440 раз!» (Экзюпери, 1978, с. 46). Отсылки к тексту Экзюпери встречаются в «Детской книге» дважды, маркируя переломные моменты «исторического» путешествия Ластика в Смутноевремя: в рассказе алхимика Келли об одном из владельцев алмаза, погибшего, когда его ужалила гадюка (Акунин, 2007б, с. 169), и перед попыткой Келли раскалить алмаз: «Ты ведь не будешь больше упрямяться, как раньше, мой маленький принц? – насмешливо посмотрел он (Келли. – В.К.) на Ластика» (Акунин, 2007б, с. 226). Подобные интертекстуальные элементы в тексте романа Акунина задают такую когнитивную характеристику хронотопа текста, как преємственность по отношению к хронотопическим моделям текстов европейской литературы.

Возможно, опосредованным звеном соотнесения текстов Акунина и Сент-Экзюпери является еще одна маркированная с точки зрения «особого мгновения» сцена: прощание Ластика и Соломки (княжны Соломоньи Власьевны) весьма напоминает прощание Маленького принца и его капризной розы, которая признается ему в любви. «Тихая нежность», окрашивающая оба эти прощания, имя княжны – как, впрочем, и само название акунинского романа, – дают ключ к еще одному источнику используемых в «Детской книге» и «Соколе и ласточке» временных моделей.

В текстах Осипа Мандельштама концепт «Время» и разнообразные варианты его воплощения составляют достаточно важную часть того, что называют термином «художественный мир» (Гаспаров, 1995, с. 212). Возможно, временная составляющая мандельштамовской художествен-

⁶⁸ См. о возможностях интертекстуальных хронотопических отсылок в современной литературе Draine, 1991; Карпухина, 2010; Карпухина, 2011.

ной картины мира необходима Акунину для того, чтобы подчеркнуть субъективный, антропоцентрический компонент временных моделей своих текстов.

«Фактор времени играет важнейшую роль в создании модели человека, а фактор человека – в моделировании времени. Ведь именно человек находится в точке присутствия, которая условно членит время на составляющие. Войдя в модель времени, человек внес в нее два сложных и противоречивых компонента: точку, движение, а вместе с движением и направление движения. Точка присутствия становится одновременно точкой зрения» (Арутюнова, 1997, с. 52-53). Пытаясь зафиксировать себя в качестве стороннего наблюдателя, лирический герой текстов Мандельштама, к которым отсылает текст «Детской книги», тем не менее вынужден стать участником событий: его *reference time* (аналитическое время) превращается в *event time* (время событий)⁶⁹. Подобное происходит в стихотворениях «Только детские книги читать...», «Соломинка», возможно, в связанном по теме с романом стихотворении «На развалинах, уложенных соломой...». Однако восприятие Времени как потока, причем потока неоднаправленного, наиболее отчетливо в мандельштамовском «Шуме времени» и стихотворении «За то, что я руки твои не сумел удержать...». М.Л. Гаспаров пишет о создании в данном тексте «необычного впечатления обратной временной перспективы, от более позднего к более раннему» (Гаспаров, 1995, с. 216). Лирический герой становится не статической точкой отсчета, его захватывает движение Времени как потока (ср.: «Я помню хорошо глухие годы России – девяностые годы, их медленное оползание, их болезненное спокойствие, их глубокий провинциализм – тихую заводь» (Мандельштам, 1999, с. 9) – и «вещий» сон Ластика о течении времени над собственным скелетом, «как при перемотке видеопленки» (Акунин, 2007b, с. 43-44)). В обоих случаях Время из Потока превращается в Агрессора, разрушителя⁷⁰. Однако это свойство лишь движущегося Времени.

В рассматриваемом романе реализуется составляющая концепта ВРЕМЯ, которая соотносится именно с детской литературой, так называемое «future-in-the-present», где «a number of events which must obviously have occupied different pockets of time are expressed in the same space» (Johnston, 2006, с. 58-59). Акунинский футурологический прогноз в «Детской книге» представляет собой нечто существенно отличающееся от эпохи модели КВД (Когда Время Двигалось) (Акунин, 2007b, с. 283). Время эпохи «Завтра» завершает кольцевую композицию двух акунинских романов и едва не оставляет Ластика в такой же области безвременья, с которой начинается творческая биография попугая Андоку.

⁶⁹ Термины Г. Рейхенбаха цитированы по Апресян, 1995, с. 632.

⁷⁰ О метафорах времени см. Плунгян, 1997, с. 191; Арутюнова, 1997, с. 53.

Иронический проект нелюбимого будущего имеет, как и положено прогнозу, и своего авторитетного субъекта речевой деятельности, и верификатора (Циммерлинг, 1997, с. 341). В качестве авторитетного эксперта выступает футурологическое существо среднего рода, «собранное» из профессора Магды Дженкинс, микробиолога, и доктора Итиро Ямады, специалиста по электронике (Акунин, 2007b, с. 293). Верификатором, так и не оценившим техногенную цивилизацию, оказывается Ластик, попавший через *хронодыру* в Москву «в никаком году». Блаженным островом без календаря становится вся планета Земля, и Время из персонализированной, движущейся субстанции превращается в деперсонализированную Вечность.

Разные хронотопические модели, реконструирующиеся при интерпретации романов Б. Акунина (ключевой из них является модель «*кромовины*» (*wormhole*)), могут быть выстроены при выявлении интертекстуальных отсылок к текстам А. де Сент-Экзюпери, Дж. Фаулза, О. Мандельштама. Оцениваемые с когнитивной точки зрения, эти модели позволяют выявить преемственность по отношению к временным моделям текстов европейской и русской литературы, ироническое соизмерение разных пространственно-временных моделей с точки зрения персонажей-наблюдателей, а также возможность соединения и обмена позициями характеристик пространства и времени в постмодернистском художественном тексте.

Литература

Draine, B. (1991). Chronotope and Intertext. In: J. Clayton, E. Rothstein (Eds.). *Influence and Intertextuality in Literary History*. The University of Wisconsin Press.

Johnston, R.R. (2006). Childhood. A Narrative Chronotope. In: P. Hunt (Ed.). *Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies* (vol. 3: Cultural Contexts). Routledge, Taylor and Francis Group.

Акунин, Б. (2007). *Детская книга* (том 1). Олма-Пресс (= Акунин, 2007a) / Akunin, B. (2007). *Detskaya kniga* (tom 1). Olma-Press (= Akunin, 2007a).

Акунин, Б. (2007). *Детская книга* (том 2). Олма-Пресс (= Акунин, 2007b) / Akunin, B. (2007). *Detskaya kniga* (tom 2). Olma-Press (= Akunin, 2007b).

Акунин, Б. (2009). *Сокол и Ласточка*. ОЛМА Медиа Групп / Akunin, B. (2009). *Sokol i Lastochka*. OLMA Media Grupp.

Апресян, Ю.Д. (1995). *Избранные труды в 2-х томах. Том 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. Языки русской культуры* / Apresyanyan, Yu.D. (1995). *Izbrannyye trudy v 2-h tomah. Tom 2: Integralnoe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. Yazyki russkoj kultury*.

Арутюнова, Н.Д. (1997). *Время: модели и метафоры. В: Логический анализ языка: язык и время*. Индрик / Arutyunova, N.D. (1997). *Vremya: modeli i metafory. V: Logicheskij analiz yazyka: yazyk i vremya*. Indrik.

Гаспаров, М.Л. (1995). *Избранные статьи*. Новое литературное обозрение / Gasparov, M.L. (1995). *Izbrannye statii*. Novoe literaturnoe obozrenie.

Гаспаров, М.Л. (2001). Литературный интертекст и языковой интертекст. *ИАН. СЛЯ*, 61(4) / Gasparov, M.L. (2001). Literaturnyj intertekst i yazykovoj intertekst. *IAN. SLYa*, 61(4).

Карпухина, В.Н. (2011). Аксиологические стратегии интерсемиотического перевода текстов художественной литературы в ситуации межкультурной коммуникации. *Известия АлтГУ*, 2/1(70) / Karpuhina, V.N. (2011). Aksiologicheskie strategii intersemioticheskogo perevoda tekstov hudozhestvennoj literatury v situacii mezhkulturnoj kommunikacii. *Izvestiya AltGU*, 2/1(70).

Карпухина, В.Н. (2010). *Способы интерпретации художественного текста при его переводе в разные семиосферы: [учебно-методическое пособие]*. Изд-во АлтГУ / Karpuhina, V.N. (2010). *Sposoby interpretacii hudozhestvennogo teksta pri ego perevode v raznye semiosfery: [uchebno-metodicheskoe posobie]*. Izd-vo AltGU.

Кубрякова, Е.С. (2004). *Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Языки славянской культуры* / Kubryakova, E.S. (2004). *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira. Yazyki slavyan-skoj kultury*.

Кузьмина, Н.А. (2004). *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*. Едиториал УРСС / Kuzmina, N.A. (2004). *Intertekst i ego rol v processah evolyucii poeticheskogo yazyka*. Editorial URSS.

Мандельштам, О. (1999). *Шум времени. Азбука* / Mandelshtam, O. (1999). *Shum vremeni. Azbuka*.

Миронов, В.В. (2006). Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии. *Вопросы философии*, 2 / Mironov, V.V. (2006). Kommunikacionnoe prostranstvo kak faktor trans-formacii sovremennoj kultury i filosofii. *Voprosy filosofii*, 2.

Овчинников, В. (2008). *Сакура и дуб*. АСТ / Ovchinnikov, V. (2008). *Sakura i dub*. AST.

Рябцева, Н.К. (1997). Аксиологические модели времени. В: *Логический анализ языка: язык и время*. Индрик / Ryabceva, N.K. (1997). Aksiologicheskie modeli vremeni. V: *Logicheskij ana-liz yazyka: yazyk i vremya*. Indrik.

Сент-Экзюпери, А. де. (1978). *Маленький принц*. Алтайское книжное изд-во / Sent-Ekzyuperi, A. de. (1978). *Malenkiy princ*. Altajskoe knizhnoe izd-vo.

Смирнов, И.П. (1995). *Порождение интертекста*. Издательство СПбГУ / Smirnov, I.P. (1995). *Porozhdenie interteksta*. Izdatelstvo SPbGU.

Степанов, Ю.С. (2001). «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии). *ИАН. СЛЯ*, 60(1) / Stepanov, Yu.S. (2001). «Intertekst», «internet», «intersubekt» (k osno-vaniyam sravnitelnoj konceptologii). *IAN. SLYa*, 60(1).

Степанов, Ю.С. (1981). *Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика*. Просвещение / Stepanov, Yu.S. (1981). *Imena, predikaty, predlozheniya: Semiologicheskaya grammatika*. Prosveshenie.

Фаулз, Дж. (2002). *Кротовые норы*. Махаон / Faulz, Dzh. (2002). *Krotovye nory*. Mahaon.

Циммерлинг, А.В. (1997). *Логика прогноза*. В: *Логический анализ языка: язык и время*. Индрик / Cimmerling, A.V. (1997). *Logika prognoza*. V: *Logicheskij analiz yazyka: yazyk i vremya*. Indrik.

Яковлева, Е.С. (1994). *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*. Гнозис / Yakovleva, E.S. (1994). *Fragmenty russkoj yazykovoj kartiny mira (modeli pro-stranstva, vremeni i vospriyatiya)*. Gnozis.